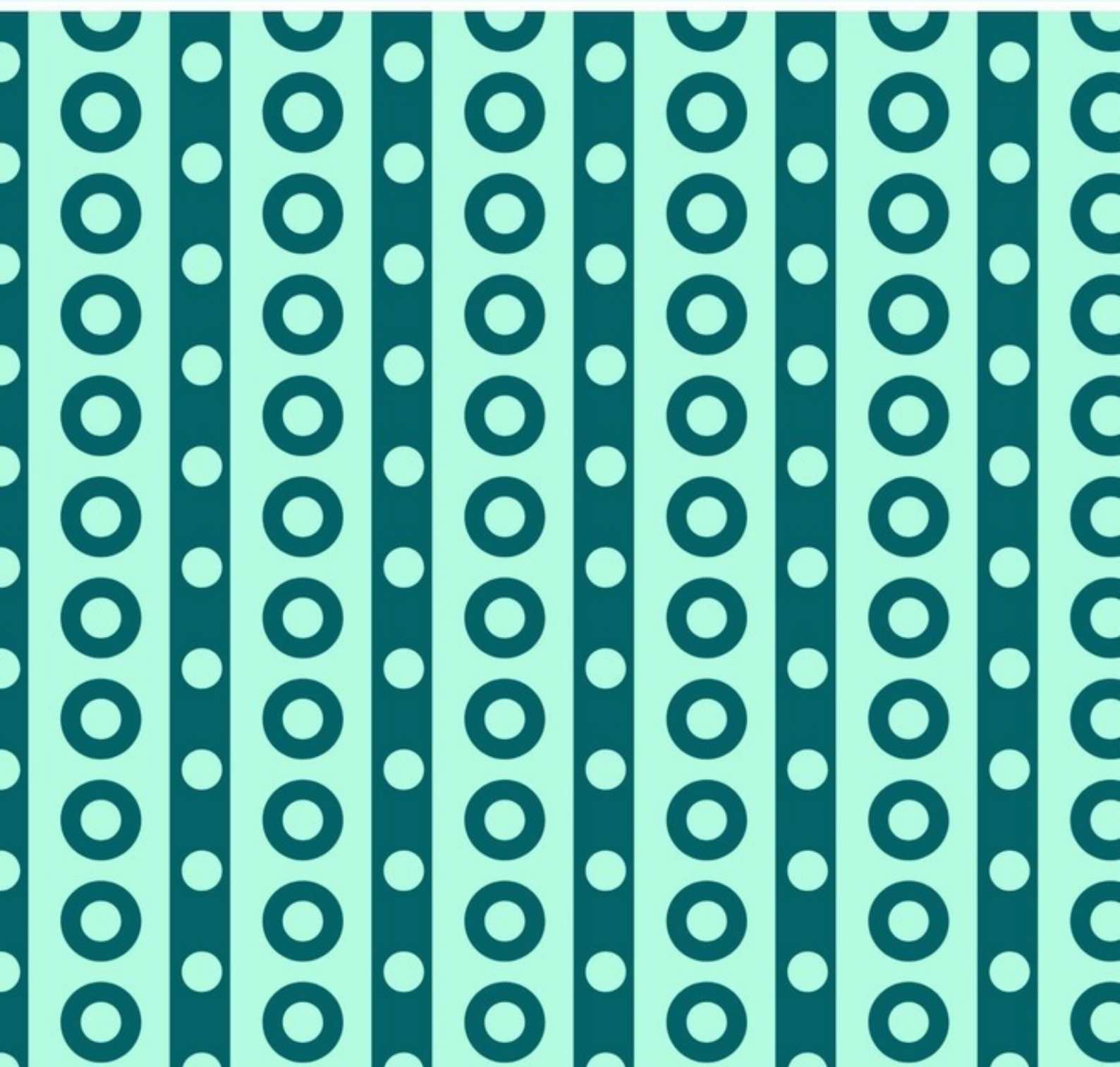

ОЛЬГА ЕРЁМЕНКО

Нормальная заботливая мать

Ольга Ерёменко

Нормальная заботливая мать

«Издательские решения»

Ерёменко О.

Нормальная заботливая мать / О. Ерёменко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-935190-6

Рассказы напомнят читателю о событиях недалекого прошлого, в котором персонажи рассказов, от детей до стариков, испытывают глубокие эмоции, связанные с важными событиями их жизни.

ISBN 978-5-44-935190-6

© Ерёменко О.
© Издательские решения

Нормальная заботливая мать

Ольга Ерёменко

© Ольга Ерёменко, 2018

ISBN 978-5-4493-5190-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

– Ну, уж нет! – решительно произнесла Светлана после минутного раздумья. – Я не допущу, чтоб моя дочка погрязла в долгах.

– Что поделаешь! Такие цены, – грустную эту констатацию сопровождал такой глубокий вздох, что моль, углубившаяся в недра Светланиной шали, на миг вылетела, вызвав несколько беспокойных хлопков близоруких приятельниц.

– Это за что платить? Ты чего? Ну-ка, посчитаемся...

– Первое – это водка. Как без неё? – привычным жестом стряхнула с ладони невидимые останки ненароком прибитого насекомого подруга.

– С запасом, бутылок так десять. Ну! Останется еще. Нечего упиваться в стельку. Не свадьба.

Светлана наморщила лоб, вспоминая самое впечатляющее меню, имеющее уложиться в полбюджета. «Два десятка яиц, овощи – чепуха, картошка своя, ветчинка, рыбка...» – так она бормотала, колдуя над списком

Другая половина месячного её бюджета предназначалась на нечто более значимое, чем ненасытимый «брюшной интерес». У Светланы была более высокая цель, нежели удовлетворение бесконечных внутренних потребностей близких родственников. Число приглашенных Светлана несколько раз ревизовала: надо было каким-то образом включить нового соседа. В каком качестве? Неудобно, не родственник. Но в планах на будущее – таковым должен был сделаться. Именно в этот вечер.

Потому что не мог же он, как человек порядочный, оставить одну в опустевшей квартире, прелестную одинокую женщину в красивом черном платье с узким глубоким вырезом на груди. Светлана это платье для Леночки присмотрела не так давно – в последнюю поездку на рынок, с сестрой, на ее машине. Светлана-то ходить уже не ходила давно, а предусмотрительность ее не покидала никогда. И любую ситуацию она раскручивала на полную катушку, извлекая наибольший эффект из сложившихся обстоятельств. Это последнее планировавшееся ею застолье она намеревалась превратить в триумф дочери, после развода угасшей для интимных отношений. А с этой ночи все должно круто измениться!

Приятельница, из давних, из верных, из покорных, не прерывала процесса умственной работы, вперив взгляд в лоб сосредоточенной подруги. Она тщетно пыталась понять, откуда сила берется и это терпение считать и пересчитывать. Потому что умение считать всегда ею ценилось превыше любых достоинств. Что же касается её самой, страдавшей от одного только вида цифр, она давно и бесповоротно капитулировала перед теми, несомненно, великими людьми, для кого прожиточный минимум, predeterminedный свыше, был делом вполне доступным и не связывался с периодами stoического лечебного голодания.

– Ну, вот, почти все сходится, – закончила свои вычисления Светлана. Она подняла лицо от стола, к которому склонялась, несмотря на толстые очки, увеличивавшие до неправдоподобия ее и без того огромные черные глаза. Создавалось впечатление, что очки предназначены

не объекты наблюдения увеличивать, а, наоборот, наблюдателя делать заметнее для окружающих.

Конечно, не мешало оставить в заачке бы парочку рубликов (так между собой подруги любую валюту называли, под рубликами подразумевая долларовый эквивалент).

– Надо отказаться от кого-то из гостей. На одну порцию меньше, а экономия в целом – дай Бог!

– Неужели же не позвать соседа! Можно сказать все поминки ради него устраиваются. Ведь такой случай! А иначе ни он, ни Леночка не додумаются ни до чего путного. А вот дядя Феликс вполне может прислать Леночке соболезнования по почте. И красиво, и выгодно. Надо предупредить заранее, он меня поймет. – Светлана поправила прическу, убрав за ухо свисающую прядь густых седых кудрей, и победно взглянула вокруг.

Все сходилось. Теперь оставалось пригласить, как бы только поделикатнее, соседа, намеренного Светланой в зятя... Да сделать все закупки, может, и приготовить кое-что: Леночка не справится сама... Да и в бюро ритуальных услуг обо всем договориться самой – Леночку ведь обязательно проведут, по обыкновению. У нас же порядочному человеку никуда нельзя соваться – сожрут с потрохами.

Да, все самой надо сделать.

Главное же – правильно распорядиться средствами.

Легче всего, конечно, отказаться от обычного закапывания в пользу кремирования. Но Светлане страшно даже и думать о кремировании. Сгореть синим пламенем – нет, это не для нее. Нет, только лечь в землю, спокойно, как все порядочные люди. Рядом с отцом, к примеру.

– Да ну тебя, – осмелилась возразить подруга. Она очки надевала только для чтения, потому шурилась на собеседника и кому-нибудь незнакомому могла показаться взыскательной и даже высокомерной особой. – Тебе не все равно? Кремировать, говорят, намного дешевле... А дочке в результате все же перепадет чуток побольше...

– Нет! – решительно возразила Светлана. – В этом отношении ничего другого не будет. Я сказала. – Она опять наморщила лоб, соображая.

– Ладно, договарюсь с дядей Феликсом, чтоб и сам не приходил, и Сему после кладбища сразу домой вызвал. Зачем мобильники в конце концов придуманы, если мы не станем их использовать в своих благородных целях.– Светлана счастливо засмеялась: меньше мужчин за столом – обильнее стол.

– Так! Теперь все готово. На следующую пятницу не намечай выезда на дачу. Я к этому времени все сделаю и спокойно умру. Только же смотрите у меня, чтоб никакого кремирования!

Постцаревна-лягушка

...И превратилась лягушка в прекрасную царевну...
Русская народная сказка

О-хо-хонюшки, хо-хо. Такие превращения добром не кончаются. И не спорьте.

Сказывать ли, детушки, что дале было?

Сказывай, бабушка, ночка долгая...

Тогда слушайте.

Жили себе молодые супруги в любви и согласии и жили бы еще. Да нарожались у них детки. И в детках этих нет-нет да и обнаружится лягушкин ген. А кто виной? Наука виновата: не открыла бы генов этих, все и шло бы себе ладком. Может, и принц на себя какую бы ответственность принял. А грамоту постигши, человек высоко взлетает. Все видно ему делается.

И увидел он ясно, что его жена из прекрасной царевны опять в лягушку-то и оборачивается. К лесному озеру деток на прогулки водит, со всякой тварью болотной знакомит. Где родился, там и пригодился, как на роду написано. А деткам что? Им и невдомек, что другой сказки персонажами они становятся. А жена-лягушка еще и аквариум в доме завела и головастика в нем поселила.

Покручинился-покручинился муж, да и успокоился. В соседнем царстве-государстве присмотрел себе молодку. Может, и не так она прекрасна, как поначалу его царевна была, зато не лягушка, это точно.

Делать нечего. Не стала докучать ему лягушка упреками, а только делалась все меньше да молчаливей, а как детки повзростели и свои пути-дороги нашли, так и вовсе к земле приклоняться начала. В саду, в цветах, в травах все больше времени проводила. Пока однажды навсего в них и пропала.

Хватились люди, где царевна-то, лягушка-то? Нету.

Только из сада жаба выпрыгнула, уж не зеленая, а вся побуревшая, как заржавленная, бородавчатая, лапы в раскорячку. Тьфу, одним словом.

Поскакала она, чтоб добрых людей не пугать, куда подальше, к ближнему озеру и поселилась там в камышах. На закате слышно кваканье, когда ветра нет. Привыкли люди и, хоть не соловей это, а простая лягушка, а тоже прислушиваться на вечерней зорьке начали. Один случайный прохожий, романтик небось, из соседних садов экзотических, так даже заслушался раз, как соловья какого. Даже стих на квакушкину мелодию сочинил. Только квакушка не ответила на стихи-то. Тоже сообразила, что ее переливы с соловьиными перепутали. Да только соловьи-то, они лишь весной бывают.

А дальше, бабушка, дальше...

А дальше – тишина, с озера ни звука, ни шороха.

– Чегой-то лягушки нашей не слышать сегодня?

– К дождю это.

– Ну уж пора-пора. Сад совсем засыхать стал...

А ночью вместо ливня, град прошел. Побил цветы, травки примял, осенний ветер и последние листики с дерев посрывал. Заснуло все, зиму поджидая. Вот и вам спать пора.

– А дальше с лягушкой-то что, стало, бабушка?

– А стала она Лягушка-путешественница.

Теперь спите.

Брат умирал. Это было ясно по тому, что говорили вокруг него о нем и особенно по тому, что не говорили о нем. «Исключительный работник. Без него совершенно невозможно. Когда его можно будет ждать? Жаль, искренне жаль... Ну, что же, пусть подлечится как нужно». Мать поджимала губы и покачивала головой.

Сестры не хотели верить. Это, однако, ничего не меняло.

– Может, ты первая? – ни одна не решалась покуситься на принятый в доме брата распорядок, который был чужд их прежнему быту, их полузабытым отношениям.

– Так что, значит, ты считаешь, что мы не должны ничего сделать? – старшую из сестер никто не мог упрекнуть в бездействии. Рассуждать она предоставляла другим. Сама она при этом ничего не выигрывала, но перед людьми и совестью – была права.

– Ну, не зовет нас он. Так он и не позовет: не в его правилах просить внимания или помощи, – Мария не любила долго объяснять понятные вещи, – я звоню Анжеле сейчас же. И мы обе отправляемся к ним. А там видно будет.

Младшая, Эля, с детских лет привыкшая к полному повиновению старшим брату и сестре, согласно кивала. Она не была в доме брата с того дня, когда там отпраздновали новоселье. Нет, не ссорился никто. Но не принято у них в семье было без приглашения ходить по гостям. А со времен женитьбы Алексея пойти к нему значило «пойти в гости». Это к Эле можно было «заскочить на минутку» и выйти от нее к концу дня. Или к Марии «заехать по дороге». А вот Анжела, жена брата, хотя была всего-навсего ровесницей Эльки, а порядок навела будь здоров!

По телефону Мария говорила недолго: «Анжела? Мы едем. Что привезти? Хорошо, зайдем на рынок. Да, прямо сейчас».

Они пришли. Сначала неумело завели разговоры о погоде, о последних выходках примадонны. О ценах. Об инфляции. Об экономических сложностях. Эля перед Анжелой всегда робела, даже и сейчас, несмотря на то что в вопросах политики могла поддержать беседу не только с невесткой. Мария ждала момента, когда можно будет, наконец, прояснить обстановку относительно брата. К нему в комнату Анжела не допустила: «Он только что заснул». Пришлось уйти, не повидавшись. Зато Мария все же выведала, что невестка говорила с лечащим врачом и он ей сказал то, что скрыл ото всех, даже от матери: опухоль обнаружили на такой стадии, когда излечить ее практически невозможно.

Брат до болезни служил в Министерстве труда. Был персоной значительной. «Мой папа – министр» – с гордостью заявляла его старшая дочь, будучи еще студенткой того же факультета, который в свое время заканчивал отец и где его хорошо помнили как комсомольского лидера. Странно было ощущение того, что в его доме именно это – социальное положение – определяло отношения между членами семьи. Для обеих сестер не было ничего удивительного в том, что человек принадлежит к кругам власти: они выросли в семье, где отец прошел через разные уровни командных вершин. В доме, где они жили в юности, все соседи принадлежали к этому кругу. Однако не социальная иерархия диктовала привязанности или неприязнь между людьми. Потому теперь они были в замешательстве, не умея соответствовать запросам домочадцев. Жена брата, в комсомольской юности черноглазая девушка из районного центра, ездила в качестве поварихи в свое время со студенческим стройотрядом, которому предводительствовал Алексей. То, что выбор брата остановился на ней, было непонятно ни старшей, ни младшей из сестер. Но раз брат так решил...

Теперь жизнь привела к своему итогу: смотрите, как я все устроила! «Жизнь не волшебная сказка и не детская игра», – кому не знакома эта сентенция! Как любая сентенция, она может быть опровергнута при небольшом усилии интеллекта. Но опровергать неизбежность конца?

Невестка, делая скорбное лицо, поила чаем. Она смирилась с регулярным приходом родственников. Но в комнату к мужу вход был ею лимитирован.

– Сейчас не надо его беспокоить. Помочь ты ему не можешь, – доверительным полупешепотом убеждала Анжела, – а расстраиваться ему ни к чему. Сама понимаешь.

На младшую сестру слова всегда действовали гипнотически. Особенно, когда ей смотрели в глаза. «Глаза – зеркало души» – это о ней. И если ей заглядывают в распахнутую душу, она не может возразить. Пытается понять, да. И оправдать того, кто препятствует ей в осуществлении её намерения, наверное, слишком ничтожного. Ведь ей сказали: «сама понимаешь». Что именно? Что она сама понимает? Да, да, надо соответствовать ожиданиям. Каким? Ужасно неловко она себя чувствовала.

Если брат выходил из своей комнаты, она не сразу узнавала его, так он был бледен, до синевы. Смотрел на нее из своего инобытия, как будто делая усилие, чтобы узнать. Эля

боялась сказать что-то не то, не так. Невестка озабоченно подхватывалась со своего места и, не давая им времени на взаимное узнавание, уводила мужа обратно в постель. Эля, наконец, ясно почувствовав себя лишней, тихо прощалась.

На улице, проглотив слезы, стояла некоторое время у подъезда дома, в который она так и не осмеливалась ходить без повода. Всякий раз звонила и спрашивала, что нужно. Если Анжела ни в чем не нуждалась, Эля понимала это как запрет посещения. Если же что-то было нужно, она выполняла все необходимое, а затем опять испытывала замешательство, как быть дальше: она здорова, как сорок тысяч сестер, и это никому не нужно, а брат болен, и она бессильна его вылечить. Она хотела бы просто обнять брата и помолчать с ним наедине, как в детстве. Но Анжела, ее строгий взгляд, взгляд жены, лучше всех понимающей, в чем нуждается ее муж... Эля убиралась восвояси.

Шла, не видя под собой дороги, вспоминала не ко времени дни далекого детства, когда выдумщик-брат организовывал необыкновенные всякие игры. И прятки это были не такие, как у всех. И казаки-разбойники особенные. А партизаны!!! Господи, как это получалось, что все, кто хотел стать героями, становились ими? Враг всегда бывал разбит наголову, но Эля не помнит, чтобы кто-то был бы этим врагом. Никто не чувствовал себя побежденным! Тут уж Алексей знал и использовал какое-то волшебство!

Она всхлипывала и замирала в опасении быть застигнутой в проявлении слабости. Алексей никогда не допускал слабости: «Слабаков нам не надо. Кто не хочет играть, пусть выходит с самого начала». Таковых не находилось. Как можно? С ним всегда был гарантирован успех. А рыбалка!!! На дальние озера отправлялись всей улицей – всегда возвращались с добычей. А его спортивная команда обязательно становилась обладательницей кубка!

Отчего его настигло поражение? Когда это произошло?

Эля, пряча лицо от двигавшихся в разных направлениях людей, спешила, и медлила, и все-таки спешила уйти подальше от дома, в котором больно ощущала разрыв отношений с братом, с которым никогда не была в ссоре.

Со старшей из сестер Анжеле было сложнее. Мария была не из тех, кто поддается гипнозу. Особенно гипнозу со стороны женщины. Особенно со стороны женщины, которая имела только одно-единственное преимущество: была матерью детей брата. Особенно если Мария ставила перед собой цель. Поняв, что ждать милостей от окружающей обстановки нет смысла, она легко отбрасывала ношу условностей. Совершив ритуал взаимных приветствий, Мария чутко прислушивалась к тому, что происходит за пределами кухни. Чуть заслышав движение в другом конце квартиры, она начинала действовать.

Она отстраняла невестку размашистым движением руки, как делала это в детстве, когда они втроем, она сама, маленькая Элька и Алексей, вместе пробирались по лесу, и она отодвигала склонившуюся над тропой ветку разросшегося кустарника; Мария не дослушивала запретов, вставала от кухонного стола: «Спасибо! Чай очень вкусный. Давай я такой же брату отнесу. Или ты потом принесешь. Я – к нему». И быстрые её шаги уже были у самой двери в комнату, которую она решительно распахивала, а потом не менее решительно захлопывала перед удивленной Анжелой: «Подожди, мне надо с братом говорить...»

Она присаживалась у постели, а то и на постели, обнимала его – и они говорили

«А помнишь?...» Конечно, он помнил. Сейчас особенно тщательно извлекал из памяти все детали событий юных лет, которые Мария сама упустила из виду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.